

Никита РОЗАНОВ

Светлой памяти моего деда
Василия Павловича Ильенкова

Переделкино

Переделкино, ул. Горького, 1956 год

Под одним общим заголовком «Автоникита» образовались мои коротенькие рассказы, естественно, обо мне, автомобилях, людях, меня окружавших, и том месте, которое собрало в начале 50-х годов всех нас вместе, — о подмосковном городке писателей Переделкино. Воспоминания о нём, несмотря на прошедшие десятилетия, продолжают не только покоиться в сладости моих детских лет, но и — о чудо! — до сего времени без устали подпитывают меня своей чудодейственной энергетикой.

Все события, имена и фамилии героев — не выдумка, исключение, быть может, составляет изменение имен пары-тройки персонажей, истинные имена которых моя память за прошедшие 60 лет не удержала, извините.

Вот что ещё: почти во всех моих историях помимо автомобилей и посёлка Переделкино, описываемые события почти никогда не обходились без разного домашнего, а иногда и вовсе дикого зверья, всегда находившегося где-то рядом. Это тоже особенность того настоящего Переделкино, где природа во всей своей подмосковной неяркости и скромности подступала к самому дому и формировала уклад жизни и мою ментальность с той же очевидностью, как сегодня в нашей современной жизни ведут себя и проявляют цифровые технологии, интернет и прочие гаджеты (это пояснение адресуете исключительно читателю возрастной группы моего старшего внука Ивана).

Посёлок писателей Переделкино, 22-й км Минского шоссе (Ленинский р-н, Московской области) был организован в начале 1930-х годов по личному распоряжению Максима Горького как вынужденный способ расширения площадей существующего писательского Дома творчества «Переделкино» Литературного фонда СССР. Вместе с творческими мастерскими писателей в послевоенном Переделкино стали возводиться сначала служебные дачи Министерства обороны, а затем и высших номенклатурных работников

Мой дедушка, Василий Павлович Ильенков, к началу 1930-х годов уже издал несколько книг, заболел туберкулёзом, и, занимаясь журналистикой, успел чудом избежать фатального полёта на само-

стал, а уехал в г. Юрьев (Тарту) и был зачислен на блиставший в те годы филфак, проучился год и был призван на фронт — шла Первая мировая война.

Революцию 1917 года принял с горячей убеждённой её благе и активно включился в работу губкома (губернского комитета) в Дорогобуже, был направлен на

станты: книги, иконы, фотографии предков-священников раздали по родне (у дедушки было семь сестёр и один брат), но большая часть семейного архива пошла в печь. «Мировой пожар, гори»...

В начале 50-х годов у Василия Павловича появились внуки: я, Никита, и моя двоюродная сестра Ленка, она же «Муха». В московской квартире стало слишком шумно, но, главное, разыгрался дедов туберкулёз, нужно было разъезжаться.

Так семья дедушки, а по сути три семьи, оказались собранными под одной крышей в доме писательского посёлка Переделкино, где Ильенковы были одними из первых дачников, поселившихся там ещё во второй половине 1930-х на даче №2 по улице Серафимовича, что стояла через жиденький заборчик справа от главного входа в здание Дома творчества Литфонда СССР.

Затем, поскольку дом оказался совершенно не приспособлен к зимнему проживанию, в конце 1953-го или в начале 1954-го, дедушка получил участок в самом конце посёлка, по соседству с посёлком «Литературная газета» по улице Горького, 24, где в выстроенном им доме прожил вплоть до своей кончины в 1967 году. С 1954 года до первого класса школы (1959 год) в Переделкино счастливо и беззаботно прожил и я...

Первая дача Ильенковых в Переделкино, ул. Серафимовича, дача 2, начало 30-х годов

лете «Максим Горький» и поучаствовать в Финской войне, где подорвался на mine и лишился одного лёгкого.

Жена Василия Павловича — Елизавета Ильинична Зыкова, моя бабушка — была сельской учительницей из многодетной семьи священника села Бессоново Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В конце 1920-х родились дети: дочь Аида (моя мама) и сын Эвальд.

Нельзя не обратить внимание на странно звучащие для православного уха имена, выбранные Василием Павловичем для своих детей. Это был сильный с его стороны ход: он родился в семье протоиерея Павла Павловича Ильенкова, регента хора Смоленского кафедрального собора, впоследствии настоятеля церкви села Шилово. Вполне естественно, что его сын Василий был просто обречён на карьеру священника, ведь он закончил даже Духовную семинарию. Но уплатив 400 рублей неустойки за несостоявшуюся карьеру священника, в Духовную академию Василий Павлович Ильенков поступать не

партучёбу в Москву, стал писать рассказы о деревне, которые отметил Максим Горький. Потом был Союз писателей, политработа на фронте, журналистика в «Красной звезде», дружба с Борисом Полевым, Михаилом Пришвиным и Ильёй Эренбургом. Понятно, что происхождение из семьи священника могло обрушить всю жизнь семьи. Религии был объявлен бой: имена детей заморские — лишь бы не из святцев, дома никаких церковных праздников, ещё... ни капли вина — только работа и благотворительность: пенсия — в фонд мира, усыновили мальчика-сироту Мишу из погибшей на царской каторге семье большевиков Грудницких.

Думается, что так аскетично жили разве что самые радикально настроенные протестанты:

Никита с дедом

Мои знаки отличия

Примерно раз в неделю, чаще всего по средам, наш шофёр Павел Петрович возил на «Победу» моего дедушку, писателя Василия Павловича Ильенкова, в Москву, на разные там совещания и заседания, на которых, как думаю я, с ним все советуются, ведь за ранние рассказы его хвалил сам Максим Горький. Это самый известный советский писатель, и его портрет стоит у дедушки в кабинете на письменном столе — мне же он совершенно не нравится и при случае, когда меня пускают в кабинет за стол рисовать, я обязательно перево-

рачиваю портрет к себе обратной стороной, ведь с фотографии смотрит какой-то сердитый дядька в чёрной косоворотке и в широкополой шляпе с торчащими в разные стороны бровями и усами — точь-в-точь как у старой и растрёпанной швабры (такая имеется у бабушки в кухне). Ну разве такой может кого-нибудь похвалить? Но раз всё-таки похвалил, то деда моего уважают особо и вокруг него в Союзе писателей собралась даже целая секция молодых и начинающих писателей, среди них он отыскивает особенно одарённых,

вычитывает и редактирует для печати их первые книжки под названием вроде «Торпедоносцы идут в атаку» или «Подвиг мичмана Кошубы» и т.п. После недавно закончившейся войны такая литература крайне популярна, и военные рассказы читаю даже я.

Каждую среду, к вечеру, Василий Павлович привозит из Москвы очередные рукописи (портфеля дедушка не признавал), а запомнилась мне в этой связи обычная зелёная хозяйственная авоська с торчащими из её ячеек углами конторских папок с

тесёмками и клеёных общих тетрадок. От этого мне становилось страшно весело, и я думал, что фигура деда в длинном плаще-пыльнике и шляпе здорово напоминает рыбака с сеткой-неводом.

Василий Павлович недели за две все эти рукописи исключительно после дневного сна терпеливо вычитывал (своими сочинениями он занимался с утра и до обеда), исчеркав написанное характерными нежно васильковыми чернилами. В ближайшую среду он отвозил рукописи в издательство, и я уже знал, что в воскресенье у нас на